

Не доверяй и проверяй

Об уточнении фактической информации при переводе и редактировании

Д.М. Бузаджи

Процесс перевода, точнее говоря процесс, происходящий в мозгу переводчика, конечно, в большой степени «черный ящик». Никакими хирургическими инструментами не докопаешься и не узнаешь, как именно выходит так, что один и смысл понял, и стиль почувствовал, и читателю соломки подстелил, и мимоходом за русский язык заступился, а другой написал некую фантастическую ахиною на вымышленном языке и тем удовольствовался. Но хочется верить, что преподаватели и переводоведы все-таки своими усилиями отщипывают от этого «черного ящика» по кусочку, разгоняют тьму по краям. Если научно точных рецептов в переводе не существует, то стоит хотя бы попытаться снизить неопределенность и наметить основные ориентиры. А то, когда все отдано на откуп «черному ящику» (он же «талант», «чувство языка», «вдохновение» и прочая, и прочая), результаты получаются самые непредсказуемые.

Эта статья — очередная попытка отво-евать у «черного ящика» часть территории и несколько рационализировать одну из важнейших составляющих переводческой деятельности, которая обычно протекает как бы подспудно, а обучаются которой на ходу, по мере необходимости. Речь идет о проверке фактической информации, ко-

торую обязан выполнять любой переводчик и редактор перевода.

Разумеется, любой нормальный преподаватель призывает своих студентов проверять упоминаемые в тексте факты. В самой этой мысли никаких откровений нет. Но часто выходит так, что переводы все равно полны фактических ошибок, хотя переводчики даже что-то уточняли. Видимо, уточняли недостаточно или не то, что было нужно. В то же самое время перепроверить абсолютно каждую фразу оригинала невозможно. При таком подходе на перевод небольшой статьи в две страницы будут уходить дни, а значит, переводчик либо вовсе не найдет заказчиков, либо не сможет обеспечить себе достойный заработок. Все-таки скорость, наряду, конечно, с качеством, одна из важнейших составляющих профессионализма.

Стало быть, не лишен смысла разговор о том, как именно проверять факты, чтобы и ошибок не было (по крайней мере, серьезных и заметных), и перевод выполнялся в разумные сроки.

Для начала обсудим, зачем именно переводчику нужны поиски дополнительной информации. Человеку, никогда не учившемуся, это, кстати, совсем не очевидно. Для большинства непереводчиков, которые где-то как-то учили

Анализ практики

иностранный язык, текст — это линейная, «плоская» последовательность слов, а перевести — значит заменить слова исходного языка словами переводящего языка. Если выходит что-то невразумительное, звучит фраза «Так было в оригинале», и на этом премудрости заканчиваются.

Конечно, к переводу переписывание слов одного языка словами другого никакого отношения не имеет. Для переводчика текст — это многомерное, объемное построение, пронизанное многочисленными внутренними и внешними связями, а для того чтобы приступить к переводу, необходимо сперва увидеть и понять фрагмент действительности, который стоит за оригиналом. Все это хорошо и подробно написано в статье В.В. Сдобникова¹, так что здесь повторяться мы не будем. Отметим только, что переход к такому типу мышления — не словами, а фрагментами действительности, не поверхностными структурами, а глубинными смыслами и связями — есть, на мой взгляд, самый важный элемент становления переводчика, без которого никакие сведения о тех или иных алгоритмах ничего не стоят.

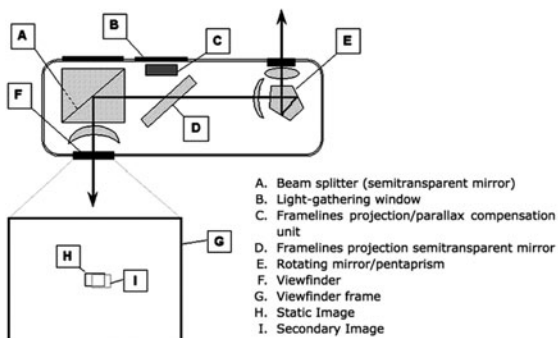
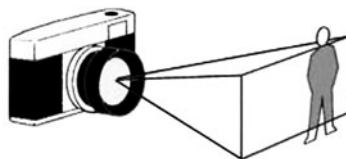
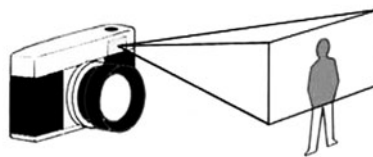
Таким образом, основная причина дополнительных поисков — необходимость уяснить себе — хотя бы в общих чертах — какая действительность стоит за текстом. Скажем, не так давно мне пришлось переводить статью о фотографии, где встретился такой фрагмент:

Earlier film and digital rangefinder cameras were not ideal for macro photography due to parallax error. As you get closer to your subject, the difference between what you see through a rangefinder viewfinder and what the lens “sees” becomes so significant that accurate framing is impossible.

Не вдаваясь в подробности, отмечу, что для перевода этих двух предложений мне понадобилось поискать сведения о дальномерных фотоаппаратах, посмо-

¹ Сдобников В.В. Принципы обучения переводу, или О чем еще не было сказано // Мосты. Журнал переводчиков, № 1(45), 2015.

треть на схемы их устройства, почитать энциклопедические статьи о параллаксе, заглянуть на сайты фотолюбителей и ознакомиться с модельным рядом и историей компании «Лейка». Приятного в этом мало: столько мучений и задержек ради 300 знаков, но другого пути нет. Причем выяснилось, что можно было передать этот фрагмент практически дословно², никаких подвохов не обнаружилось, но изначально я не чувствовал, что понимаю

² Например, так: «Раньше дальномерные фотоаппараты для макросъемки не годились из-за погрешности параллакса. На близком расстоянии разница между тем, что видно в видоискателе дальномерника, и тем, что “видит” объектив, была настолько велика, что точно рассчитать композицию кадра не получалось».

автора в достаточной степени, а значит, без дополнительных поисков легко было угодить пальцем в небо.

Впрочем, для дополнительной проверки есть и другая причина: в оригинале могут быть ошибки. Сегодня, когда столько текстов (в первую очередь английских) создаются неносителями языка, неспециалистами, не очень грамотными людьми, да еще и в спешке, с такими случаями приходится сталкиваться сплошь и рядом. Недавно в редактируемом переводе статьи о часах с астрономическими осложнениями (дополнительными функциями) мне встретился такой фрагмент:

The rarest type of watch showing an astronomical indication is probably a full planetarium watch. This shows the positions of the planets – in general, the six planets visible from Earth in ancient times, as well as the Earth itself – in a heliocentric view, with the sun at the center of the dial.

Но самые редкие астрономические осложнения – это, пожалуй, полные планетарии, которые показывают расположение Земли и шести видимых с нее планет относительно размещенного в центре циферблата Солнца.

Казалось бы, нормальный перевод, можно идти дальше, но я решил пересчитать планеты. Дело в том, что *visible from the Earth in ancient times* может означать только то, что эти планеты видны невооруженным глазом, а значит, в их число не могут входить открытые в Новое время Уран, Нептун и Плутон (который теперь, правда, уже не считается планетой). В «Большой советской энциклопедии» (одном из моих любимых источников, которыми я пользуюсь во время работы) сказано:

Уже в незапамятные времена стали известны 7 подвижных светил: Солнце, Луна и 5 планет, которым были присвоены имена римских божеств, – Меркурий,

Венера, Марс, Юпитер и Сатурн. <...> В конце 18 в. сведения о Солнечной системе пополнились благодаря открытию в 1781 планеты Уран. Изучение закономерностей его движения привело в 1846 к открытию Нептуна, а в 1930 была открыта самая удалённая от Солнца планета Плутон. (Статья «Астрономия»)

В общем, автор оригинала обсчитался. Видимо, у него в голове смешались две мысли: об известных с древних времен и видимых с Земли невооруженным глазом пяти планетах, и о шести планетах (всего, включая Землю), размещенных на циферблате. Это, кстати, подтверждает и фотография часов, упоминаемых в этом контексте: шарик Солнца в центре и шесть шариков, движущихся по орбитам вокруг него. В результате перевод был отредактирован так:

Но самые редкие астрономические осложнения – это, пожалуй, полные планетарии, которые показывают расположение Земли и пяти известных с древнейших времен планет относительно размещенного в центре циферблата Солнца.

Если кого-то из читателей тут охватит недоумение или даже чувство протеста («Ну как же так? В оригинале было “шесть”, а в переводе “пять”. Не произвол ли это? А с другой стороны, не берет ли на себя переводчик слишком много лишней работы?»), им будет небезынтересно прочитать статью В.К. Ланчикова «Ошибки

Анализ практики

без кавычек»³, где довольно полно изложен алгоритм действий переводчика, когда в тексте оригинала ему встречаются те или иные фактические ошибки. Скажу только, что, пропуская подобные неточности в перевод, переводчик рискует навлечь критику именно на себя (спрятаться за схалтурившим автором оригинала не удастся) и заказчик скорее обрадуется подобному «самоуправству», чем любовно переданным в переводе авторским огрехам (о переводе серьезных научных трудов, художественных произведений и прочих текстов, где допустимы примечания переводчика, сноски и комментарии, я в данном случае, разумеется, не говорю).

Правда, если текст оригинала откровенно плох и вмешательства в него обещают быть существенными, стоит об этом в мягкой форме уведомить заказчика. По договоренности с ним можно, скажем, особо пометить все места, где, на взгляд переводчика, автор ошибся. Возможно, заказчик собирается использовать не только перевод, но и оригинал (например, для издания двуязычной брошюры) и подобная помощь со стороны переводчика окажется весьма кстати. Не стоит только бросать заказчику: «Какой осел этот бред понаписал?!» Не исключено, что текст принадлежит самому человеку, который с вами общается, или его начальнику и, выпустив пар, переводчик испортит отношения с клиентом и упустит заказ.

Итак, что делать переводчику и редактору, чтобы не насажать ошибок и при этом уложиться в приемлемые сроки? Очень многое зависит от общей сообразительности, объема фоновых знаний и умения контекстуализировать новую информацию, то есть сопоставлять содержащиеся в тексте сведения со своими собственными представлениями о мире и о предмете и делать здравые выводы. Скорее всего, дать рецепты тут трудно, разве что повто-

рить избитые истины о том, что переводчику нужно многое знать и не позволять мозгу лениться.

Впрочем, более конкретные частные рекомендации сформулировать можно. И первым делом необходимо указать, что ни в коем случае не следует переводить текст, не зная толком, что он собой представляет. Заказчики нередко присылают нечто без заголовка, исходных данных и сопроводительной информации и просят перевести. В некоторых случаях даже не текст целиком, а явно позаимствованный откуда-то фрагмент.

На взгляд непрофессионала, все в порядке: есть слова на одном языке — надо просто заменить их словами на другом языке (желательно побыстрее и подешевле). Но переводчик с текстом неполным и/или вырванным из социокультурного контекста работать не может. Что это — рекламный лозунг, наименование артикула, название книги или фильма, чья-то запись в блоге? Когда это было написано или сказано? Кем? При каких обстоятельствах? Зачем? Не ответив на все эти вопросы, в принципе невозможно принимать грамотные переводческие решения.

Как правило, заказчик по запросу необходимые сведения предоставит, но, если это почему-то невозможно, стоит хотя бы поискать что-то подобное в Интернете. Возможно, там даже отыщется сам присланный на перевод текст, но в любом случае положение прояснится. Поиски и расспросы могут и не понадобиться, если по самому тексту видно, например, что это рекламная брошюра, но в любом случае переводчик, прежде чем браться за работу, должен сформулировать довольно четкое представление о том, что, для кого и зачем он переводит.

Кстати говоря, такой анализ позволяет сразу же оценить степень надежности текста. Если профессиональный переводчик сталкивается в тексте с тем, что ему непонятно или вызывает сомнения,

³ Ланчиков В.К. Ошибки без кавычек // Мосты. Журнал переводчиков, № 2(18), 2008.

он ведет поиски до тех пор, пока не восполнит пробел в своих знаниях (непрофессиональный, естественно, такими мелочами не затрудняется и преспокойно пишет «как было в оригинале»). Но если текст не очень надежен в принципе, то некоторые сомнительные места, особенно связанные с грамматикой, пунктуацией и стилем, написанием имен собственных, употреблением терминологии и т.п., возможно, не представляются таковыми из-за невежества переводчика, а всего-навсего свидетельствуют о недочетах оригинала⁴. И значит, можно с большей уверенностью полагаться на собственные представления, не тратя часов на бесплодные поиски.

О ненадежности текста в каждом конкретном случае надо судить осторожно и с учетом индивидуальных нюансов, но самые типичные признаки ненадежности очевидны: неродной для автора язык текста, не очень знакомая автору тематика (например, текст или фрагмент текста, посвященный технике, написанный рекламщиком), невычитанность текста (опечатки, пропуски и огрехи форматирования или верстки) и т.п.

Второй важнейший шаг — определить интертекстуальные связи оригинала (возможно, разные для разных фрагментов текста). Как известно, тексты не рождаются в вакууме и не конструируются из слов словаря по правилам грамматики. Как писал Р. Барт, «каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат». Правда, в данном случае нас интересуют не мельчайшие блоки любого текста, коммуникативные фрагменты, а целенаправленные заимствования на уровне фактов (не говоря уже о прямых цитатах).

Даже автор, пишущий «из головы», периодически пользуется теми или иными источниками, а некоторые материалы (я говорю на примере публицистики) вообще по сути представляют собой обработку двух-трех ранее существовавших чужих текстов. Трудность заключается в том, что автор, сочиняя свой опус по материалам, скажем, «Википедии», иногда настолько увлекается перефразированием и добавлением собственных языковых изысков, что фактическая основа текста затуманивается или предстает в настолько урезанном виде, что для осуществления в переводе тех или иных преобразований (вызванных, например, особенностями русского узуса) не остается пространства. Например, русский язык в каком-то фрагменте может настойчиво требовать конкретизации, а необходимых для этого дополнительных сем взять неоткуда.

Поэтому, как только переводчик или редактор обнаружил, что весь оригинал или его фрагмент так или иначе перекликается со статьей энциклопедии, книгой, газетной публикацией, документом, страницей сайта и т.д., он должен при возможности разыскать соответствующий источник и сверяться с ним. Это позволит гораздо лучше понять смысл и избежать ошибок, порой возникающих из-за не очень грамотного переноса информации автором из источника в свой текст. Такие «пратексты», открытые вместе с оригиналом, — это словно комментарий, растолковывающий темные места.

В переводе статьи про жизнь и творческий путь Алена Делона мне встретился такой пассаж (до этого было сказано, что актер был помолвлен с Роми Шнайдер, но помолвка расстроилась):

⁴ Позволю себе в этом контексте сослаться на свою статью о плохо написанных оригиналах: Бузаджи Д.М. Перевод коммуникативно неполноценных текстов как теоретическая и практическая проблема // Мосты. Журнал переводчиков, № 2(38), 2013.

Анализ практики

Photos of Schneider could still be found in his wallet years after her death in 1982, and he admitted that she was the one against whom all others would be measured (those others turned out to be the French actresses Nathalie Barthélemy and Mireille Darc, and Dutch model Rosalie van Breemen, along with three more paternally-sanctioned children).

Хотя забыть Роми актер не смог и пронес свое чувство к ней через всю жизнь: спустя годы после смерти Шнайдер в 1982 году, он все еще носил в бумажнике ее фотографии и признавался, что эта женщина – эталон, с которым он сравнивал остальных своих пассий. А их у Делона было немало: французские актрисы Натали Бартелеми и Мирей Дарк, голландская манекенщица Розали ван Бремен и три другие, го-дившиеся ему в дочери, барышни.

Конечно, вариант перевода *three more paternally-sanctioned children* (фразы, отметим справедливости ради, непривычно и неловко сформулированной) как «три другие, го-дившиеся ему в дочери, барышни» сомнителен и без дополнительных проверок, но к тому времени у меня на мониторе уже давно была открыта посвященная Делону статья англоязычной «Википедии», из которой автор переводимого оригинала и позаимствовал почти все факты. Поэтому не составило труда убедиться, что речь идет не о связи с малолетними девицами, а о еще троих детях, которых актеру родили вышеупомянутые женщины (первого сына, от актрисы Нико, Ален Делон официально так и не признал).

Боле того, стало очевидно, что переводчик совершенно напрасно написал про «немалое» количество пассий: дело в том, что Бартелеми, Дарк и ван Бремен, вкупе с вышеупомянутой Роми Шнайдер, – это и есть четыре главные женщины в жизни актера (на двух из них он был женат, с одной

помолвлен, еще с одной был в романтических отношениях 15 лет). Наконец, не помешало установить, кто именно родил Делону этих детей, поскольку варианты вроде «родившие ему в совокупности троих детей» будут звучать довольно комично). В итоге фрагмент был отредактирован так:

Хотя забыть Роми актер не смог и пронес свое чувство к ней через всю жизнь: спустя годы после смерти Шнайдер в 1982 году, он все еще носил в бумажнике ее фотографии и признавался, что эта женщина – эталон, с которым он сравнивал остальных своих пассий. Остальные, если быть точным, это: французские актрисы Натали Бартелеми и Мирей Дарк и голландская манекенщица Розали ван Бремен (первая и последняя родили ему еще троих детей).

Приведу еще один пример. В редактируемом переводе (речь идет о кварцевых часах, выпускавшихся для вооруженных сил) было написано:

Секундная стрелка за один раз перемещается не на одну, а на четыре секунды. Часы снабжены антимагнитной защитой, ресурс батареи до полной разрядки – три года и еще три дня.

Сразу же возникли сомнения. Да, в механических часах бывает такое усложнение, когда секундная стрелка совершает скачок не раз в полуколебание баланса (то есть, например, шесть раз в секунду), а строго раз в секунду. Но раз в четыре секунды, тем более в военных часах, – это серьезное и притом ничем не мотивированное снижение уровня точности. Не все благополучно и со вторым предложением: маловероятно, чтобы срок службы батарейки можно было рассчитать до дня (не говоря уже о несколько былинной формулировке, «три года и три дня», как будто батарейку заколдовали). При этом оригинал ясности не внес:

The quartz version provided hours, minutes and central seconds, a second hand that advances four seconds at once instead of one second, protection against magnetic fields, and battery life of three years, with three days before the battery goes flat.

Все стало на свои места, когда, потратив довольно много времени, я нашел документ, из которого автор статьи позаимствовал данные для описания этой модели, военной версии часов Ocean 2000. В документе-первоисточнике характеристики «Оушна» перечислялись в виде перечня с точками. Но автор или верстальщик нажали клавишу «Ввод» не в том месте, и в результате фраза “Second hand will advance 4 seconds instead of 1 second, 3 days before the battery is flat” (дословно: «Секундная стрелка будет перемещаться на 4 секунды вместо одной [за] 3 дня до того, как батарейка разрядится») превратилась в две самостоятельные характеристики.

Что же касается автора переводимой статьи, то он, видимо, не разобрался в предмете, но добавил тексту «художественности»: перенес эти «три дня» к фрагменту про ресурс батарейки, отделив их от четырехсекундных скачков и тем самым спутав все окончательно.

- Second-Stop Device
- 7 jewels
- Anti-shock Device
- Protection against magnetic fields
- Battery will last 3 years,
- Second hand will advance 4 seconds instead of 1 second,
- 3 days before the battery is flat.

На самом деле в виду имелось следующее: «Срок службы батарейки примерно три года, причем за три дня до ее окончательной разрядки секундная стрелка начинает за один раз перескакивать не на одну, а сразу на четыре секунды». Дополнительная проверка показала, что в кварцевых часах действительно встречается такая индикация скорого разряда.

Последний пример особенно наглядно демонстрирует важность еще одного

навыка, овладев которым переводчик научится проверять то, что нужно. Речь идет о «логическом фильтре» – умении быстро, автоматически сопоставлять гипотетические варианты перевода со своими знаниями о мире, предметной области и тексте оригинала в целом и отметить те варианты, которые явно противоречат логике⁵.

Как известно, любое качество, когда его слишком мало или слишком много, становится плохим. Вот и дотошность при проверке фактов должна быть умеренной, достаточной для выстраивания логичной картины, но не более того. Некоторые не вполне профессиональные переводчики проверяют мало, зато другие так углубляются в изучение «матчасти», что срывают все сроки или доделывают текст второпях, допуская массу нелепых ошибок.

Например, в часовых (и не только) текстах встречается указание на технологию рентгеновской литографии или на сходную с ней технологию ЛИГА. Если бы я захотел до конца понять этот производственный процесс, мне бы пришлось потратить на его изучение (и на повторение школьного курса физики) несколько дней. Однако для решения стоящих передо мной конкретных переводческих задач мне достаточно знать общую суть этой технологии. А она заключается в том, что подложку с нанесенным слоем резиста облучают через шаблон-маску рентгеновскими или ультрафиолетовыми лучами, в результате чего на поверхности подложки остаются рельефные контуры будущих деталей. Потом при помощи различных химических процессов эти контуры заполняются металлом, и в результате получаются детали, сделанные очень точно, с минимальными допусками.

И пусть специалистов-технарей не смущает это простецкое объяснение: моя задача не стать специалистом по литографии, а перевести текст так, чтобы верно

⁵ Подробнее об этом в: Бузаджи Д.М. Белые нити. Логические аспекты перевода // Мосты. Журнал переводчиков, № 3(11), 2006.

Анализ практики

передать основные взаимоотношения между понятиями. Таким образом, важно не только проверить то, что нужно, но и вовремя проверку прекратить, установив лишь самое главное. Конечно, никто не запрещает, если есть время и желание, зачитаться учебником истории, хотя надо было проверить всего одну дату, но это к нашей теме не относится.

Перейдем к более частным рекомендациям. Очевидно, что перепроверять (и себя, и автора) следует особенно тщательно в тех случаях, когда ошибка может повлечь за собой серьезные последствия. Это вновь возвращает нас к вопросу о функциональных доминантах текста и его частей (для каких целей они нужны?) и лишний раз доказывает важность коммуникативно-функционального подхода к переводу. Если основная задача текста — познакомить читателя с новой моделью часов и расхвалить их, значит, в первую очередь должно быть выверено все, что связано с внешним видом и техническими характеристиками этих часов. А ошибка, скажем, в порядковом номере некоего средневекового папы римского, упомянутого в историческом экскурсе, хотя и нежелательна, но менее опасна.

Таким образом, если текст посвящен механизму, необходимо уяснить себе, как он работает, если актеру — ознакомиться с его биографией и фильмографией, действиям компании на рынке — понять, в чем суть упомянутых рыночных механизмов и экономических терминов.

Нелишним будет оговорить, что проверка может, и иногда должна быть, не только, условно говоря, текстуальной, но и визуальной. Конечно, в некоторых случаях, особенно если речь идет об абстрактных понятиях, научных фактах и т.п., для понимания достаточ-

но найти краткую энциклопедическую справку. Но часто подспорьем переводчику оказываются изображения, позволяющие лучше представить себе описываемую ситуацию.

Например, в статье, посвященной венецианской ювелирной мастерской «Нарди», мне встретились следующие строки:

Stroll around Piazza San Marco and you'll eventually round a corner occupied by Gioielleria Nardi, a graceful series of rooms nestled beneath five arches, purveying an unapologetically oldworld school of artistry.

Помучившись некоторое время с переводом этого предложения, я понял, что не совсем представляю себе, как это: *a graceful series of rooms nestled beneath five arches*. Комнаты под пятью арками? Речь идет о потолках в этих комнатах? Но ведь взгляд как будто снаружи, с площади, а снаружи потолки не видны. На выручку пришел сервис «Гугла» с панорамными снимками улиц городов. Я «побродил» по площади Святого Марка и в итоге обнаружил нужный угол. В результате перевод приобрел следующий вид:

Когда окажетесь на площади Святого Марка, рано или поздно в одном из ее углов вам на глаза попадет «Нарди» (Nardi) — расположившаяся за колоннадой под пятью арочными сводами изящная анфилада комнат, где можно найти

удивительнейшие штуковины, в которых сквозит неприкрытая страсть ко всему старинному.

Человеку, работающему с публицистикой, стоит взять за правило уточнять всю энциклопедическую информацию: сведения из истории, астрономии, физики, искусствоведения и т.п. Делать это в наше время благодаря Интернету довольно легко, а журналисты, пишущие сегодня об одном, завтра – о другом и нередко толком ни в чем не разбирающиеся, допускают немало ошибок, когда речь заходит о малознакомых областях.

Почти всегда дополнительных проверок заслуживают незнакомые имена собственные. Если это имена людей, возможно, стоит уточнить, откуда они родом и как произносятся их имена и фамилии (в случае нестандартных имен, для которых мало таблиц практической транскрипции, большую помощь могут оказать видеоролики с «Ютьюба» и сайт «Форво» (forvo.com)). Если это названия организаций, мероприятий, премий и т.п., сперва бывает необходимо понять, в чем именно заключается их суть и откуда получилось такое название. Скажем, один переводчик решил не нагружать себя лишними заботами и передал фрагмент предложения о принце Чарльзе так:

When the young Prince was guest of honour at what is now known as the Bespoke Tailors Benevolent Association dinner (the tailors' gala, now held biannually at the Merchant Taylors' Hall in the City of London) in 1971 on Grosvenor Square...

В 1971 году молодой наследник был почетным гостем на торжественном приеме на площади Гроувенор-Сквер (праздник портных, который сейчас отмечается раз в два года в лондонском Сити).

Если потратить на проверку фактов должное время и не выпускать информацию просто потому, что уточнять подробности не хочется, этот фрагмент примет примерно следующий вид:

В 1971 году молодой наследник был почетным гостем на торжественном вечере английских портных на площади Гросвенор-сквер (сейчас его правопремником стал ужин, который устраивает Ассоциация ателье индивидуального пошива Сэвил-Роу в Мерчант-Тейлорз-холле в лондонском Сити).

Еще один очевидный, но от этого не менее актуальный совет – по возможности перепроверять числовую информацию. Во-первых, если число записано цифрами, при переводе нетрудно пропустить или переставить местами некоторые из них (в результате, скажем, 1951-й год превращается в 1915-й). Во-вторых, вероятность допустить ошибку в числах при создании оригинала высока. В-третьих, прецизионная числовая информация часто играет в тексте ключевую роль и ее искажение чревато неприятными последствиями.

Наконец, выскажу мысль, возможно не всеми разделяемую, но, на мой взгляд, вполне логичную. Бывает, что никакими проверками суть дела установить не удается, а чувство, что в тексте что-то не так, довольно сильное. Тогда сомнительную информацию безопаснее опустить, чем передавать на свой страх и риск. Безусловно, речь не идет о том, чтобы непонятные фрагменты просто выкидывать, как это сделал переводчик в случае со статьей про принца Чарльза. Зачастую опущение недостоверных фактов может быть осуществлено при помощи генерализации, когда переводчик дает вариант, не противоречащий сразу нескольким возможным интерпретациям, менее конкретный, но более надежный.

Например (если брать самые простые случаи), может быть неясно, имелось ли в

Анализ практики

виду 22 или 24 (количество магазинов, открытых компаний, количество новинок в коллекции, тысяч посетителей и т.д.), но обе эти интерпретации покрывает вариант «более 20» или «20–25». Конкретный год может быть передан в переводе выражением «около полувека назад», а название улицы – указанием на район города. Генерализация весьма удачный выход из тупиковых положений, но многие переводчики о такой возможности забывают и либо сохраняют рискованную (ненадежную, нелогичную, противоречащую источникам) конкретику, либо выбрасывают слишком большой фрагмент целиком. Еще раз оговорюсь, что речь не идет о текстах, допускающих комментарий переводчика с подробным изложением сомнений и разночтений.

Может показаться, что высказанные в этой статье требования к переводчику чрезмерны. К сожалению, уровень некоторых переводчиков и представления некоторых заказчиков об их возможностях сегодня настолько низки, что порой от переводчика не ждут даже удобочитаемого текста: лишь бы общий смысл был

понятен, а на большее никто и не рассчитывает. Но на самом деле в том, о чем шла речь выше, нет ничего недостижимого. Переводчик не может, конечно, становиться экспертом в каждой теме, которой посвящены его переводы, но разобраться в ситуации достаточно, чтобы представить себе описываемую картину и характер взаимоотношений между понятиями, он обязан.

Если подытожить в двух словах, то задача переводчика, во-первых, перепроверить – особенно в сомнительных или наиболее важных фрагментах – имена собственные, цитаты, цифры, энциклопедические факты и тому подобные вещи, а во-вторых, держать в голове визуальную картину происходящего, так, чтобы описываемые в тексте события превратились в фильм. Фильм, который можно прокрутить назад или вперед, представить себе под другим углом зрения, сменить общий план на крупный и наоборот и т.д. Тогда количество ошибок в переводе будет сведено к минимуму, а сами эти ошибки станут малозаметными и не будут подрывать достоверность текста в целом.

Просто цитата

УСЕРДИЕ НЕ ПО РАЗУМУ

В книге «Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия» (1904 г.) историк литературы М.К. Лемке рассказывает о цензурных мытарствах немецко-русского словаря выдающегося лексикографа Карла-Филиппа Рейфа („Deutsch-Russische Sprachlehre“, 2-е изд. 1853 г.):

В этом же <1854> году очень смешной инцидент произошел со словарем Рейфа. Один цензор, имея в виду распоряжение о строгом изъятии из словарей всего «непристойного», очень не поцеремонился со словарем Рейфа,

исчеркав там чуть ли не половину; между прочим не пропущено было слово *Litanei*, переведенное «лития, молебен, скучный рассказ». Издатель жаловался главному управлению и объяснил, что хуже будет, если русский ученик, встретив на немецком языке это слово в смысле «скучного рассказа», станет переводить его словами «лития, молебен». Но главное управление не вняло голосу разума...